

**В ПОИСКАХ
АЛЬТЕРНАТИВНОГО
КУРСА РЕФОРМ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ
О РАБОТАХ
ФРАНЦУЗСКОГО
ЭКОНОМИСТА
В. АНДРЕФФА**

А.Н. ОЛЕЙНИК

доктор социологии (Ph.D.), кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет — Высшая школа экономики

НЕСМОТРЯ на продолжающуюся экспансию неоклассического направления в экономической теории на новые территории в географическом и университетском пространстве, эта парадигма в действительности переживает сегодня острый кризис. Этот кризис в западных университетах проявляется, в частности, в росте недовольства как со стороны студентов, так и со стороны части профессоров, вызванного оторванностью неоклассических моделей от реальной жизни, принесением осмысления и понимания проблем в жертву математической строгости их представления¹. Диссонанс между неоклассической нирваной и реальностью особенно ярко проявляется в случае формирующихся (*emerging*) рынков, главным импульсом в развитии которых стало именно стремление организовать взаимодействие между экономическими агентами в соответствии с канонами доминирующего в экономической теории направления. Разочарование результатами буквальной реализации подобной программы в последние годы сильно как в странах третьего мира, так и в постсоветских странах². Все чаще в

¹ *Post-Autistic Economic Review* (www.paecon.net), являющийся рупором наиболее радикально настроенных противников неоклассической экономики, имеет 6255 подписчиков в примерно 145 странах мира. «Аутизм», фигурирующий в названии журнала, означает болезненный уход в себя, отказ от реальности в пользу воображаемого мира снов, фантазий и галлюцинаций.

² Элементы критического анализа развития ситуации в Индии представлены в [16]. Среди критики результатов экономических реформ в России, развитой в постаутическом ключе, отметим [21]. Данная работа особенно интересна еще и тем, что ее автор известен многим российским экономистам по своим работам 1980-х гг. в области математического моделирования (являющегося ключевым элементом «аутической» экономической теории).

этой связи говорится о необходимости реформ «второго поколения», ориентированных не столько на достижение неоклассического идеала, сколько на решение действительных проблем. Эта «смена вех» отражена даже в официальных документах таких международных организаций, как Мировой банк.

В данном контексте особого внимания заслуживают те экономисты, которые имели смелость указать на назревающий кризис задолго до принятия им видимых невооруженным глазом форм. Это и Дж. Стиглиц, еще недавно занимавший пост главного экономиста Мирового банка, и хорошо известный российскому читателю Я. Корнаи. Одним из тех, кто предупреждал о возможных пагубных последствиях неоклассической программы реформирования постсоветской экономики еще десять лет назад, т.е. в самом начале реформ, был французский экономист, профессор Сорбонны, основатель и директор в 1990—1999 гг. исследовательского центра по изучению переходных экономик ROSES Владимир Андреев. В 1993 г. вышла его книга «Кризис социалистических экономик. Разрыв системы», в которой он противопоставляет две стратегии реформ, телеологическую и генетическую. Согласно первой, в полной мере укладываемой в неоклассическую парадигму, «ключевым моментом является определение конечного состояния в экономической эволюции», т.е. совершенно конкурентного рынка [8, р. 11]. Напротив, в генетическом подходе акцент делается не на желаемый результат, а на наличествующие в момент реформ средства, «строительный материал», во многом доставшийся в наследство от прежней системы. Достижение декларируемых целей, какими бы привлекательными они ни представлялись, оказывается лишенным каких-либо гарантий.

Смена точки зрения — разворот с головы на ноги — в экономическом анализе вообще и в практическом обосно-

вании постсоветских реформ в частности требует переосмысления целого ряда элементов организации экономического знания. Так, разделение на позитивную (изучение того, как есть на самом деле) и нормативную (описание того, как должно быть) науку лишается прежней четкости и однозначности. Неоклассические экономисты всегда подчеркивали позитивный характер своих исследований, тем самым противопоставляя себя, например, марксистам [13]. Однако телеологические реформы высветили нормативный характер самой неоклассической экономической теории, ведь исходной точкой реформ «первого поколения» было именно отрицание реального наследия и безоглядное апеллирование к несуществующему конкурентному рынку. Политическая экономия социализма, как с иронией отмечает В. Андреев, строилась на сходной логике: ее сторонники «утверждали, что [социалистические] экономики находились на пути к коммунизму и что достижение этой цели неизбежно, несмотря на очевидные трудности и препятствия, обусловленные историческим прошлым» [8].

Тенденции к превращению экономического анализа в нормативный характерны, таким образом, как для неоклассической теории, так и для официальной версии марксизма. В терминах, введенных в экономический дискурс В. Андреевым [7], наблюдается своеобразная конгруэнтность, или негативная конвергенция официального марксизма и неоклассической теории, заключающаяся в их сближении в результате неспособности решить сходные проблемы. Еще одно проявление конгруэнтности заключается в стремлении к универсализации теоретических построений, достигаемой даже в ущерб учету специфики отдельных стран и культур. Мнимое универсальное «пятичленное» определение этапов социально-экономического развития всех стран и народов в официальном марксизме как в искажен-

ном зеркале отражает неоклассический тезис о якобы универсальной, неизбежной для всех стран и однонаправленной эволюции к капитализму. Видимо, поэтому в своих работах французский исследователь старается избегать крайностей как марксизма, так и неоклассической теории. По его мнению, критический и альтернативный подход продуктивнее в позитивном описании реальности, чем ортодоксии обоего рода. Равно как он помогает учесть специфику возникающей в сегодняшней России системы, не укладывающейся в крайне упрощенные схемы и марксизма, и неоклассической теории³.

Наиболее комплексное видение критической альтернативы в науке и в практике предложено В. Андреффом в его последней книге «Мутация постсоциалистических экономик. Альтернативный экономический анализ», ставшей итогом исследований последнего десятилетия. В качестве гарантии против нормативных тенденций в экономическом анализе и его превращения в догму утверждается отказ от жесткой привязки к какой-либо теории. «Анализ экономической мутации бывших плановых экономик, предложенный в настоящей работе, не является ни ортодоксальным, ни гетеродоксальным в полном смысле этого слова, ибо он исключает последовательную приверженность какой-либо теории» [9, р. 10]⁴. Эклектизм данного подхода, впрочем, имеет объяснение. Для каждой проблемы определяется

наиболее продуктивный теоретический подход, в результате чего оказывается, например, что теория прав собственности (направление в неоклассической экономике) помогает разобраться в приватизации, а теория корпоративного контроля А. Берли и Дж. Минза (близкая к «старому» институционализму) — в специфике постприватизационного развития предприятий.

Иначе говоря, задача исследователя сводится к определению области валидности каждой из теорий — круга проблем, которые возможно решить с ее помощью, — и их применению строго в этих узких рамках. Вполне в духе постмодернизма право метатеорий на существование ставится под сомнение и делается выбор в пользу локального и контекстуального знания. Прагматический характер выбора служит, по мнению В. Андреффа, залогом сохранения анализом позитивной направленности. Дополнительное преимущество эклектизма заключается в возможности исследовать самые разноплановые сюжеты: круг проблем ограничивается только энциклопедизмом знаний, степенью знакомства исследователя со всем спектром существующих теорий. Не случайно В. Андрефф известен не только как советолог, его работы об экономике спорта и транснациональных корпорациях переведены на многие языки [10, 11]⁵.

Впрочем, далеко не все экономисты согласны принести теоретическую строгость и единство в жертву позитивизму. Отсутствие согласованного и внутренне непротиворечивого подхода в работах В. Андреффа часто подвергается критике даже со стороны ближайших коллег⁶. Поэтому вопрос о конкретном содержании альтернативы экономической ортодоксии, поставленный в его работах, разумнее пока считать открытым.

³ Аргументы российских авторов, акцентирующих специфику эволюции России, среди прочих источников можно найти в [6].

⁴ Весьма похожей оказывается и позиция, занятая Я. Корнаи. Вот как он, например, характеризует свои теоретические взгляды: «Я не являюсь ни монетаристом, ни кейнсианцем, ни последовательным сторонником какой-либо другой школы. Данная книга не служит популяризации какого-либо конкретного направления в науке. Наоборот, в ней я одновременно обращаюсь к самым разнообразным источникам» [14].

⁵ В настоящее время В. Андрефф занимает пост президента Международной ассоциации экономистов спорта (IASE).

⁶ См., например, [17, р. 179].

Перспективными, в частности, представляются предложения «старых» институционалистов по объединению сторонников экономической альтернативы на основе использования методологии прагматизма. «Приземленное теоретизирование» (Grounded Theory), чьи принципы были впервые сформулированы в работах философов Дж. Дью, Ч. Пирса и экономиста Дж. Коммонса, сводится к необходимости выведения — методом индукции — любой теории из предварительно собранного обширного эмпирического материала [21, р. 14–25].

Еще одна альтернативная программа предполагает акцент не на фрагментации экономической теории и минимизации тем самым «пересечений» между ее различными направлениями, а, наоборот, на сознательном сопоставлении подчас взаимоисключающих трактовок одних и тех же сюжетов. Так, роль доверия в экономических взаимодействиях по-разному трактуется марксистами, «новыми» и «старыми» институционалистами, а также экономическими социологами. Но вместо определения одной, предположительно наиболее адекватной, теории для данной предметной области можно поставить вопрос о поиске компромисса между всеми наиболее значимыми трактовками доверия. Взаимная критика гарантирует любую теорию от превращения в ортодоксию, а синергетический эффект от сопоставления концепций дает импульс поиску согласованной — компромиссной — экономической альтернативы. В постсоветской науке поиски компромисса между марксизмом и неоклассической теорией были особенно популярными в начале 1990-х гг. (что и дало первый толчок институциональным исследованиям, находящимся на «стыке» предметных областей двух указанных теорий)⁷.

⁷ Вариант компромисса между марксистским и неоклассическим подходами был предложен, например, в [3].

Потребность в поиске согласованной и внутренне непротиворечивой альтернативной программы экономических исследований особенно велика в постсоветском контексте. В этом, в частности, убеждает анализ ошибок и тупиков приватизации, развитый самим В. Андресом. Так, к числу ошибок он относит приоритет политических целей над экономическими и социальными в ходе приватизации в Чехии, России и Казахстане. «Среди всех возможных целей приватизации, в Чехословакии (стране, ставшей пионером ваучерной приватизации. — А.О.) предпочтение было отдано политическим» [9, р. 204]. Использование приватизации в качестве гарантии против реставрации власти коммунистов предопределило акцент на быстроту и массовость, который к тому же облегчал пропагандистскую, понятную широким массам интерпретацию ее результатов (столько-то предприятий приватизировано на начало года, частный сектор обеспечивает более половины ВВП и т.д.). Вопросы экономической эффективности, социальной справедливости или наполнения бюджета в данном контексте отошли далеко на второй план. Трудности с проведением реструктуризации приватизированных предприятий — вот лишь один из закономерных результатов избранной стратегии «приватизации по [политическому] плану» (privatizing by plan).

Чем же объяснить поразительную недальновидность подобных программ приватизации, предопределивших и последующие трудности в проведении реструктуризации, и бюджетный кризис середины 1990-х гг., и оппортунизм «инсайдеров», и отсутствие легитимности в массовом сознании новых частных собственников (которое питает стремление «снизу» к переделу собственности)? Вопрос тем более уместен, что многие «неортодоксальные» экономисты указывали на опасность развития ситуации по подобному сценарию еще в начале

1990-х гг. «Нельзя руководствоваться принципом скорости при продаже государственной собственности... Такой процесс следует энергично ускорять, но нельзя при этом мчаться сломя голову, пытаясь сделать все сразу за один приступ» [1, с. 58–59].

Предпочтение быстрой приватизации означало, что в вопросе о том, что должно быть первичным — приватизация или создание обеспечивающих ее институтов, выбор однозначно делался в пользу первой альтернативы. Надежда возлагалась на «невидимую руку» рынка, которая и приведет к созданию новых институтов. Однако не решенный и сегодня характер заложенных в период массовой приватизации проблем заставляет вспомнить о предупреждении сторонников альтернативного курса: «Прежде всего, должны существовать хорошо функционирующие фондовые рынки, а также юридические рамки, обеспечивающие процедуру банкротства и выполнение контрактных обязательств» [20, р. 134]⁸. Конкуренция, этот главный механизм обучения новым «правилам игры», на первых этапах вполне могла быть обеспечена и без формального изменения структуры собственности — через «приватизацию менеджмента»⁹, создание условий для роста вновь создаваемых частных предприятий, либерализацию внешней торговли.

Говоря об источниках ошибок приватизации, некоторые склонны видеть в них результат «заговора» западных стран, заинтересованных в ослаблении бывших стран «социалистического» блока и прежде всего — России. Однако, как показывает сравнение социально-экономи-

ческой динамики стран Центральной Европы, наиболее близких к интеграции в европейские структуры, и постсоветских стран, в которых влияние и западного капитала, и западных консультантов было более слабым, в первом случае ошибок было совершено значительно меньше и, главное, эти ошибки постепенно исправлялись¹⁰. Другим вариантом объяснения ошибок, на этот раз не национал-патриотическим, а либеральным, было бы указание на ограниченные возможности предвидеть и просчитывать результаты, свойственные как обычным людям, так и реформаторам. «В сложных ситуациях весьма вероятен значительный разрыв между действительными условиями принятия решения и восприятием данных условий действующими лицами» [19, р. 8]. Но при таком допущении остается необъяснимым предпочтение телеологической, заведомо проигрышной ввиду неполной рациональности, стратегии реформ в ущерб генетической, менее зависимой от субъективных ошибок. Да и более полная — если судить *ex post* — рациональность реформаторов из Центральной Европы вряд ли имеет биологическое или расовое объяснение.

Еще одной гипотезой относительно природы ошибок в определении стратегии и тактики реформ могло бы стать указание на специфику властных отношений, складывающихся в странах бывшего СССР. Ведь и персоналии советников, и критерии приемлемости советов напрямую зависят от интересов тех, кому на данный момент принадлежит

⁸ Аналогичные мысли относительно последовательности реформ можно найти в [8, р. 324–331].

⁹ В. Андресф видит в использовании рыночных критериев оценки деятельности менеджмента государственных предприятий одну из ключевых предпосылок успеха приватизации во Франции во второй половине 1980-х гг. [9, р. 219].

¹⁰ Статистические данные, свидетельствующие о дивергенции в эволюции стран Центральной Европы и стран бывшего СССР, подробно обсуждаются в [9, с. 15]. Дополнительный аргумент заключается в том, что во всех бывших «социалистических» странах фирмы под контролем иностранного капитала в среднем имеют лучшие показатели, чем находящиеся под контролем любых других собственников [ibid., р. 226].

политическая власть. В советский период характер политической власти практически полностью определял экономические процессы. «Ключом к пониманию социалистической системы является исследование структуры власти» [15, р. 33]. По мнению ряда ученых, граница между политикой и экономикой в постсоветский период отнюдь не стала менее прозрачной. Об этом свидетельствует, в частности, сохранение и даже укрепление феномена «власти-собственности», или нерасчлененного единства властных и собственнических функций¹¹.

Взаимное переплетение политики и экономики переносит исследование власти в предметную область экономической теории, создавая тем самым предпосылки для сопоставления взглядов на этот вопрос экономистов, политологов и социологов. В данном контексте ошибки и неудачи реформ проистекают от господства властных отношений особого типа — *навязанных*. Навязанный характер власти заключается в односторонней зависимости ее субъектов от тех, кто наделен властными полномочиями¹². Отсюда возможность оппортунистического поведения контролирующих государственных аппарат лиц: их решения продиктованы стремлением «создать такую структуру прав собственности, которая максимизирует ренту, получаемую правителем» [18, р. 24]. Алгоритм действия представителей власти и в 1990-е гг., при проведении приватизации, и сегодня, с усилением тенденций к переделу собственности «сверху», ос-

тался прежним: он сводится к утверждению безусловной приоритетности интересов лиц, обладающих властью. Поэтому теория политико-экономической власти представляется своеобразным «цементирующим раствором», позволяющим связать воедино разрозненные элементы альтернативного экономического анализа.

В работах В. Андреева четко описан тупик, или, если использовать термин В. Полтеровича, «институциональная ловушка», реформ в постсоветских странах. Осуществленные в 1990-е гг. реформы вообще и программа приватизации в частности заложили фундамент сегодняшних проблем: кризиса корпоративного управления, совершения значительного объема сделок в «теневом» секторе рынка, резкого расслоения населения по уровню доходов и т.д. Приходится признать, что создана лишь видимость устойчивости социально-экономического порядка. Ситуация вокруг нефтяной компании «ЮКОС» — вот лучшее, хотя далеко не последнее тому подтверждение. Однако передел собственности, к необходимости которого сегодня склоняются и «верхи», и «низы», при сохранении неизменным характера властных отношений не только не будет способствовать их решению, но и приведет к ухудшению ситуации. Ведь гарантии эффективного, защищенного от властного произвола перераспределения прав собственности так и не созданы. В итоге сохранение прежних тенденций губительно, однако их волюнтаристское изменение приведет к еще более пагубным результатам. Известная фраза «казнить нельзя миловать» сегодня звучала бы как «перераспределять собственность нельзя сохранять статус-кво».

Возможный выход из тупика видится в параллельной работе над развитием альтернативных подходов в экономической теории и в придании власти демократического по существу, а не только по форме характера, что позволит

¹¹ В любой экономике не трудно найти примеры использования экономическими субъектами политической власти для достижения экономических целей, и наоборот: [12, р. 222–223]. Однако только в России «политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться собственностью, а собственность органически подразумевает наличие политического авторитета» [2, с. 8–9].

¹² Подробнее об одном из вариантов типологии властных отношений см. [4; 5, с. 33–37].

сделать наработки «альтернативных» экономистов востребованными. Действительно, только власть, зависящая от граждан и их повседневных нужд, заинтересована в конструктивной критике сложившегося порядка и в «приземлении» своей политики реформ через придание им генетического характера. Вклад В. Андресфа в поиски выхода из создавшегося тупика и разработку реформ «второй волны» нам еще только предстоит по достоинству оценить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнаи Я. Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту экономических преобразований. М.: Экономика, 1990. С. 58–59.
2. Нуреев Р. Социальные субъекты современной России: история и современность // Мир России. 2001. Т. 10. № 3. С. 8–9.
3. Олейник А. Институциональные аспекты социально-экономических трансформаций. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2000.
4. Олейник А. Конституция российского рынка: согласие на основе пессимизма? // СОЦИС. 2003. № 9.
5. Олейник А. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 33–37.
6. Шкаратан О. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. Т. 9. № 2.
7. Andreff W. Convergence or Congruence between Eastern and Western Economic Systems // Dallago B., Brezinski H., Andreff W. (eds.). Convergence and System Change. The Convergence Hypothesis in the Light of Transition in Eastern Europe. Aldershot: Dartmouth, 1992.
8. Andreff W. La crise des économies socialistes. La rupture d'un système. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1993. P. 11.
9. Andreff W. La mutation des économies postsocialistes. Une analyse économique alternative. Paris: l'Harmattan, 2003. P. 10.
10. Andreff W. Les multinationales globales. Paris: La Découverte, 1996.
11. Andreff W., Nys J.-F. Economie du sport. 4e éd. Paris: Presses Universitaires de France, 2001.
12. Etzioni A. The Moral Dimension. Toward a New Economics. N.Y.: The Free Press, 1988. P. 222–223.
13. Friedman M.. The Methodology of Positive Economics // Friedman M. Essays in Positive Economics. Chicago: The University of Chicago Press, 1953.
14. Kornai J. Struggle and Hope. Essays on Stabilization and Reform in a Post-socialist economy. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1997.
15. Kornai J. The Socialist System. The Political Economy of Communism. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 33.
16. McCarthey M. Driving a Car with no Steering Wheel and no Road Map: Neoclassical Discourse and the Case of India // Post-Autistic Economic Review. September 2003. Iss. № 21. Article 5.
17. Motamed-Najad Ramine. Revue du livre «La crise des économies socialistes» de W. Andreff // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1994. V. 25. № 2. P. 179.
18. North D. Structure and Change in Economic History. N.Y.: Norton, 1981. P. 24.
19. Simon H. Rationality as Process and as Product of Thought // American Economic Review. 1978. V. 68. № 2. P. 8.
20. Stiglitz J. Whither Socialism? Cambridge, MA: The MIT Press, 1994. P. 134.
21. Yefimov V. Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan, 2003.